

Мертвые души

Николай Васильевич Гоголь

(Краткое содержание)

К гостинице губернского города NN подкатила рессорная бричка, в которой сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод. Это был главный герой гоголевских «Мёртвых душ» – Павел Иванович Чичиков.

Господин разместился в обычной для всех губернских городов гостинице – в комнате с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов. Чемодан и другие пожитки Чичикова внесли его крепостные люди: кучер Селифан и лакей Петрушка.

Чичиков отправился в общую залу гостиницы, где бегал половой с подносом, на котором сидела такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу. Съев обед, приезжий разговорился с половым и чрезвычайно точно расспросил обо всех городских чиновниках и помещиках, особенно интересуясь тем, сколько кто имеет душ крестьян. Затем Чичиков отправился осмотреть город, а закончил день ужином и крепким сном во всю насосную завертку, как выражаются в иных местах обширного русского государства.

Весь следующий день приезжий делал визиты. Он посетил губернатора и вице-губернатора, прокурора, председателя палаты, полицеймейстера и других городских властителей. Человек весьма ловкий в обхождении, Чичиков искусно умел польстить каждому. Губернатору он намекнул, что в его губернию въезжаешь, как в рай, дороги везде бархатные. Полицеймейстеру сказал что-то очень лестное насчет городских будочников. Приезжий всем понравился. Губернатор сделал ему приглашение пожаловать к нему на домашнюю вечеринку, прочие чиновники тоже – кто на обед, кто на бостончик, кто на чашку чаю.

Тщательно умывшись и одевшись в гостинице, Чичиков поехал на губернаторскую вечеринку. В зале, где она проходила, резал глаза блеск от свечей, ламп и дамских платьев. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и сям, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде. Приезжий гость и тут не уронил себя. Он умел поддержать любой разговор. Шла ли речь о лошадином заводе, он говорил о лошадином заводе; говорили ли о хороших собаках, и здесь он сообщал очень дельные замечания; трактовали ли касательно следствия, произведенного казенною палатою, – он показал, что ему неизвестны и судейские проделки; было ли рассуждение о бильярдной игре – и в бильярдной игре не давал он промаха; говорили ли о добродетели, и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах; об выделке горячего вина, и в горячем вине знал он прок; о таможенных надсмотрщиках и чиновниках, и о них он судил так, как будто бы сам был и чиновником и надсмотрщиком. Все свои суждения Чичиков облакал сдержанной степенностью, которая сильно поднимала его в глазах собеседника.

На вечеринке Чичиков познакомился с помещиками Маниловым и Собакевичем, которые оба звали его в гости. Чичиков подтвердил, что не только с большою охотою последует их приглашению, но даже почтет за священнейший долг. Познакомился он и с помещиком Ноздревым, разбитным малым лет тридцати, который после трех-четырех слов начал говорить ему «ты».

В последующие дни Чичиков посетил дома и других видных людей города. Все составили о нём мнение как о преприятном человеке. Никто ещё не знал, что Чичиков прибыл к ним в губернию со странной целью покупки мёртвых крестьянских душ.

Прожив в городе NN с неделю, Чичиков решил перенести свои визиты за город и навестить своего нового знакомого, помещика Манилова. Кучер Селифан запряг коней, и бричка Чичикова понеслась по дороге.

Добравшись до места, Чичиков увидел довольно большую деревню. В чертах и расположении усадьбы угадывались одновременно две черты характера хозяев: их претензии на образованную утончённость – и крайняя непрактичность. У господского дома были устроены на английский манер клумбы и пруд. Но клумбы были неухожены, пруд зарос зеленью, а сам дом находился на открытом всем ветрам возвышении. Среди деревьев виднелась беседка с голубыми колоннами и надписью: «Храм уединенного размышления».

Хозяин поместья выбежал на крыльцо и, рассыпаясь в любезностях, приветствовал гостя. Манилов относился к числу людей, о которых пословица говорит: ни в городе Богдан, ни в селе Селифан. Лицо его было довольно приятно, но в эту приятность чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то заискивающее. Он не грешил никакими сильными страстями и увлечениями, но любил проводить время в фантастических мечтах, которые никогда не пробовал претворять на деле. Хозяйством Манилов почти не занимался, полагаясь на приказчика, но, глядя на свой заросший пруд, часто грезил о том, как было бы хорошо провести от дома подземный ход или выстроить через пруд каменный мост с купеческими лавками. В кабинете Манилова всегда лежала книжка, заложённая закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года. Под статью Манилову была и его жена, воспитанная в пансионе, где тремя главными предметами были французский язык, игра на фортепиано и вязание кошельков.

По своему обыкновению Манилов лез из кожи вон, чтобы сделать Чичикову приятное. Он не соглашался пройти впереди него в дверь, называл встречу с ним «именинами сердца» и «образцовым счастьем», уверял, что с радостью отдал бы половину своего состояния, чтобы иметь часть тех достоинств, которые имеет его гость. Манилов первым делом спросил, как понравились Чичикову губернские чиновники – и сам восхищался их необыкновенными дарованиями.

Чичикова пригласили к столу. За обедом присутствовали и двое сыновей Манилова, 8-ми и 6-ти лет, которые носили античные имена Фемистоклос и Алкид.

После обеда Чичиков сказал, что желал бы поговорить с Маниловым о важном деле. Оба они прошли в кабинет, где хозяин дома по модному обычаю закурил трубку. Немного волнуясь и даже почему-то оглянувшись назад, Чичиков поинтересовался у Манилова, много ли у него умерло крестьян со времени последней податной ревизии. Манилов сам не знал этого, но вызывал приказчика и послал его сделать поимённый список скончавшихся.

Чичиков пояснил, что хотел бы купить этих мертвых душ. Услышав такое странное желание, Манилов выронил изо рта трубку и некоторое время оставался недвижимым, вперив взгляд в собеседника. Затем он осторожно осведомился, не будет ли сделка с мертвыми душами несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?

Чичиков уверял, что нет, и указывал: казна даже получит от этого выгоды в виде законных пошлин. Успокоившийся Манилов по своей любезности не смог отказать гостю. Уговорившись с ним о покупке мертвецов, Чичиков заторопился с отъездом, спросив дорогу к помещику-соседу Собакевичу.

Манилов долго стоял на крыльце, провожая глазами удалявшуюся бричку. Вернувшись в комнату, он с трубкой во рту предался планам построить дом с таким высоким бельведером, чтобы можно было оттуда видеть даже Москву, пить там вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о приятных предметах. Манилов мечтал, что на эти чаепития он приглашал бы Чичикова, и государь, узнав о такой дружбе, пожаловал бы их генералами.

Вскоре после того как Чичиков выехал из усадьбы Манилова, его застала в дороге гроза. Как на беду, кучер Селифан успел где-то подпить, пропустил поворот к Собакевичу, сбился с пути и, заехав во тьме на вспаханное поле, опрокинул бричку. Чичиков шлёпнулся в грязь и сильно вымазался. Он уже отчаивался добраться до жилья, когда издали вдруг послышался собачий лай. Погоняя на него, Селифан подъехал к какому-то дому. Откликнувшийся на стук в ворота бабий голос вначале велел им убираться, потому что «здесь не постоянный двор, а живёт помещица». Но когда Чичиков сообщил, что и он дворянин, из дома вышла сама барыня и пустила их переночевать.

Это была женщина пожилых лет, одна из тех небольших помещиц, которые плачутся на неурожаи, убытки, а между тем набирают понемногу деньжонок в мешочки, размещенные по ящикам комодов, и из бережливости не выбрасывают ни старых платьев, ни другого изношенного хлама. Служанка Фетинья унесла чистить одежду Чичикова и приготовила ему постель, наложив перин едва ли не до потолка. Чичиков сразу заснул и проснулся, лишь когда часы пробили десять утра. В дверь заглянула хозяйка, но в ту же минуту спряталась, ибо Чичиков, желая получше заснуть, скинул с себя совершенно всё.

Подойдя к окну, Чичиков увидел узенький дворик, весь наполненный курами и индейками. Дом помещицы мало отличался от видневшихся поодаль крестьянских изб. Везде заметны были хозяйственность и довольство обитателей.

Саму помещицу Чичиков нашёл в соседней комнате у самовара. Он завёл с ней оживлённый разговор, церемонясь при этом гораздо меньше, чем у Маниловых. Если русский человек перещеголял в чём Европу, то это в умении находить особый язык и оттенок с любым собеседником. Так, наш чиновник в канцелярии выглядит решительным орлом и Прометеем, когда беседует с низшими по чину, но делается куропаткой и даже мухой в присутствии высших.

Выяснилось, что имя хозяйки – Настасья Петровна Коробочка. Как женщина домовитая, она сразу стала интересоваться: не покупатель ли её гость и нельзя ли продать ему мёду или пеньки? Чичиков, усмехнувшись ответил, что интересуется товарцем иного рода. Он полубопытствовал, много ли в последнее время у Коробочки умирало крепостных, и спросил, не желает ли она продать эти мертвые души ему.

«Нешто хочешь ты их откапывать из земли?» – выпучила глаза Настасья Петровна. Чичиков пояснил, что это уж его дело, зато хозяйка получит при этом явную выгоду: избавится от платежа податей за мертвых.

Коробочка призадумалась, проговорив: «Никогда еще не случалось продавать мне покойников». Чичиков принялся умасливать её. Он сказал, что заплатит за каждую мертвую

душу 15 рублей ассигнациями. Коробочка колебалась. Поразмыслив, она сказала, что лучше повременит: «авось понаедут купцы, да я применюсь к ценам».

Не зная, как уговорить её, Чичиков поставил на вид, что мертвые бесполезны в хозяйстве: воробьев разве пугать по ночам в огороде. Коробочка перекрестилась и стала предлагать ему купить лучше пеньку. Чичикова вдруг осенила счастливая мысль. Он намекнул, что ведёт казённые подряды и после мертвых душ собирается закупать у Коробочки оптом разные хозяйственные продукты.

Эти слова возымели на помещицу сильное действие. Она согласилась продать мертвецов по 15 рублей, но с тем, чтобы Чичиков не забыл про неё, если в подрядях потребуется ржаная или гречневая мука, крупы или битая скотина. Всего этого у неё было в избытке. Чичиков обещал её «не обидеть» и немедленно стал писать купчую на мертвые души. В отличие от Манилова Коробочка тут же перечислила по памяти все имена умерших крестьян.

Угостившись вкуснейшими блинами, Чичиков поехал в дальнейший путь. Коробочка шла за ним к бричке, напоминая, что для подрядов у неё есть ещё свиное сало и птичьи перья. Крепостная девчонка Коробочки показала кучеру Селифану дорогу до большака.

После визита к Коробочке Чичиков остановился в придорожном трактире, заказал поросёнка с хреном и со сметаной и доедал уже последний кусок, когда услышал стук колес подъехавшего экипажа. Из остановившейся у окна брички вылезли двое мужчин. Оба они вошли в трактир, и один из них, чернявый, расставив руки при виде Чичикова, вдруг закричал: «Ба, ба, ба! Какими судьбами?».

Чичиков узнал Ноздрева, с которым он недавно вместе обедал у прокурора и который уже через несколько минут стал говорить ему «ты». Ноздрёв стал возбуждённо рассказывать, что вместе со своим зятем Мижуевым едет с ярмарки, где дочиста продулся в карты, спустил всё, вплоть до часов с цепочкой. Чичикову показалось, что даже один бакенбард у Ноздрёва был меньше и не так густ, как другой.

Ноздрёв взахлёб говорил, что познакомился на ярмарке с кутилами-драгунами. С особенной теплотой он вспоминал штабс-ротмистра Поцелуева, называвшего вино бордо просто бурдашкой, и поручика Кувшинникова, который не пропускал ни одной дамы, именуя это волокитство: попользоваться насчет клубнички. «Эх, Чичиков, свинтус ты, скотовод эдакой! Я тебя, бестию, знаю – ты бы не расстался с поручиком Кувшинниковым!» – заключил Ноздрёв.

Узнав, что Чичиков едет к Собакевичу, Ноздрёв оглушительно захохотал. Он назвал Собакевича жидомором и предупредил: Чичиков жестоко опешится, если думает найти у того банчишку и добрую бутылку винца. Ноздрёв предложил бросить Собакевича к чёрту и поехать к нему. Чичиков мгновенно смекнул, что у разбитного Ноздрёва можно при удаче даром выпросить мертвые души, – и согласился ехать.

Помещик Ноздрев в тридцать пять лет был таков же совершенно, каким был в осьмнадцать и двадцать: охотник погулять. Дома он больше дня никак не мог усидеть. Чуткий нос его слышал за несколько десятков верст, где была ярмарка со съездами и балами; он уж в одно мгновенье ока был там. Ноздрёв имел сильное пристрастие к картишкам. Играл он в них не совсем безгрешно и чисто, за что его иногда поколачивали его сапогами, или задавали передержку его густым бакенбардам, которые, однако, скоро вырастали вновь, еще даже лучше прежних. И что всего страннее, что может случиться лишь на Руси: он через

несколько времени как ни в чем не бывало опять встречался с теми знакомыми, которые его тузили. Ни на одном собрании, где был Ноздрёв, не обходилось без истории: или выведут его под руки из зала жандармы, или вытолкают свои же приятели. Он постоянно врал, притом без всякой нужды: рассказывал, к примеру, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой масти.

Когда они втроём с Мижухевым и Чичиковым приехали в поместье Ноздрёва, хозяин стал показывать им свои владения. В два часа с небольшим они обошли решительно всё. На конюшне Ноздрёв уверял, что отдал за одну кобылу десять тысяч рублей, в поле – что недавно поймал там одного зайца руками. На псарне с десятков собак сразу положили ему лапы на плечи, и Ноздрёв выглядел среди них совсем как отец семейства.

Мижухев вскоре запросился домой. Ноздрёв отпустил его, сказав: поезжай бабиться с женою, фетюк. Оставшись вдвоём с хозяином, Чичиков завёл с ним разговор о мертвых душах.

Но Ноздрёв не соглашался ни подарить, ни продать их, пока гость не расскажет, зачем они ему нужны. «Ведь ты большой мошенник, – заявил он Чичикову. – Ежели бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве». Наконец, он пообещал отдать мертвые души, если гость выиграет их у него в карты. В руке Ноздрёва тут же неизвестно как оказалось колода, и Чичикову крап её при первом же взгляде показался подозрительным.

Не договорившись ни о чём, оба они легли спать. На следующее утро Ноздрёв рассказал, что ночью ему снился дурной сон: будто бы штабс-ротмистр Поцелуев с поручиком Кувшинниковым высекли его розгами. «Хорошо бы, если б тебя отодрали наяву», – подумал про себя Чичиков.

Ноздрёв предложил теперь: если Чичиков не хочет карт, можно сыграть под мертвые души в шашки, где ничто не зависит от случая, а лишь от искусства игрока. Ноздрёв обещал прибавить к мертвецам ещё какого-нибудь щенка средней руки. Чичиков, подумав, согласился: в шашки он играл хорошо.

«Давненько не брал я в руки шашек!» – проговорил Чичиков, делая первый ход. «Знаем мы вас, как вы плохо играет!» – ответил Ноздрёв, выступая со своей части доски. После нескольких ходов Чичиков вдруг заметил, как Ноздрёв, делая ход одной шашкой, подвинул вперёд и другую обшлагом рукава. Перед самым своим носом своим он увидел и невесть откуда взявшуюся третью, которая уже пробиралась в дамки. Чичиков возмущённо потребовал, чтобы Ноздрёв осадил их назад. Однако тот, покраснев от гнева, назвал его «сочинителем» и стал заставлять окончить партию.

По зову Ноздрёва прибежали двое его здоровенных крепостных: Порфирий и Павлушка. «Бейте его!» – кричал им Ноздрёв, показывая на Чичикова. Те двинулись к гостю с угрожающим видом. Чичиков изрядно перетрухнул, но в решающий момент расправу остановил звук подъехавшей к крыльцу тройки.

Вошедший капитан-исправник известил, что Ноздрёва вызывают на суд по делу о нанесении помещику Максиму обиды в пьяном виде розгами. Ноздрёв стал возражать, что он и в глаза не видал помещика Максимова. Воспользовавшись замешательством, Чичиков выскользнул из комнаты, вскочил в свою бричку и велел кучеру Селифану гнать во весь дух.

От деревни Ноздрёва бричка Чичикова неслась во всю пропалую, как бы ожидая погони. «Не подоспей капитан-исправник, – думал Чичиков, – пропал бы я у Ноздрёва, как волдырь на воде, без следа, не оставив будущим потомкам ни состояния, ни честного имени!»

Кучер Селифан в волнении не заметил, как столкнулся по дороге с неожиданно наскочившей коляской, чьи кони перепутались упряжью с его собственными. Растаскивать лошадей сбежались крестьяне соседнего села, однако удалось это лишь после долгих усилий. В наехавшем на бричку экипаже Чичиков заметил хорошенькую, молоденькую даму лет 16-ти. Он разглядывал её с тайным удовольствием, думая: «Вот если бы к ней присовокупить тысячонок двести приданого, то вышел бы очень лакомый кусочек».

Приятные размышления Чичикова прервал вид показавшейся вдали деревни Собакевича. Дом этого помещика обращал на себя внимание прочностью, а не красотой. Все постройки вокруг него тоже были крепкими и надёжными, срубленными из толстых брёвен, как будто навек. Всё стояло упористо, без пошатки, в каком-то крепком, хотя и неуклюжем порядке.

Собакевич встретил Чичикова отрывистым: «Прошу!» – и повёл его в дом. Чем больше Чичиков смотрел на него, тем больше он походил в его глазах на средней величины медведя. Собакевич напоминал медведя фигурой. Так же, как медведь, он ходил вкривь и вкось, беспрестанно наступая на чужие ноги. Над отделкой лица его природа не мудрила долго и не употребляла мелких инструментов, а просто рубила с плеча:хватила топором раз – вышел нос,хватила другой – вышли губы, большим сверломковырнула глаза и, не обскоблив, пустила на свет. И мебель в комнатах у Собакевича была такой же крепкой и прочной, как дом и он сам.

Чичиков начал разговор с хозяевами похвалами губернатору, полицмейстеру и прочим городским чиновникам. Но Собакевич назвал губернатора «первым разбойником в мире», полицмейстера – мошенником, который «продаст, обманет и еще пообедает с вами» и сказал, что в городе вообще «все хриstopродавцы, есть один только порядочный человек – прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья». Чичиков был ошарашен такими характеристиками, которые Собакевич произносил уверенно и совершенно спокойно.

К столу у Собакевича подали огромные куски разных блюд, причём хозяин громко говорил о своём презрении к заморским деликатесам, фрикасе и устрицам. «У меня, – говорил Собакевич, – когда свинина – всю свинью давай на стол, баранина – всего барана тащи, гусь – всего гуся!» Свои слова он подтвердил делом: опрокинул к себе на тарелку половину бараньего бока и съел все, обсосав до последней косточки. «У меня, – продолжил он, – не так, как у какого-нибудь Плюшкина: восемьсот душ имеет, а живет и обедает хуже моего пастуха!» Чичиков с волнением поинтересовался, много ли крестьян умирает у скряги Плюшкина и где он живёт. Собакевич ответил, что плюшкинские крестьяне мрут, как мухи, но дороги к этой собаке он не советует и знать.

После обеда Чичиков остался с Собакевичем глаз на глаз и завел разговор о продаже мертвых крепостных душ. Конфузаясь сразу высказать своё странное предложение, он начал издали. Однако Собакевич выслушал всё совершенно бесстрастно и сразу согласился на сделку, назвав и свою цену: сто рублей за человека.

Столь высокая цена заставила Чичикова разинуть рот. Он стал убеждать, что мертвецы есть не более чем мечта, что от них остался один неосоздаваемый чувствами звук, и потому за такой товар нельзя дать больше чем по восьми гривен. Собакевич в ответ стал расписывать Чичикову достоинства умерших мужиков. Он говорил, что его души – не какая-нибудь дрянь, а ядрёный орех, все на отбор: отличные мастеровые, здоровые и крепкие, многие

давали при жизни богатый оброк – и хоть бы в рот хмельного! Онемевший Чичиков пробовал убеждать Собакевича, что ведь теперь все они – мертвецы!

Собакевич объявил, что, скрепя сердце, снижает цену до 75 рублей. Чичиков поднял своё предложение до рубля с полтиной, потом до двух, но на большее не соглашался. Собакевич сбил свою ставку до 50 рублей, затем до 25-ти – и в конце концов согласился на два рубля с половиной. Зачем понадобились Чичикову мертвые души, Собакевич не поинтересовался, коротко заметив, что в чужие дела не мешается: «понадобились души, я и продаю».

Он тут же составил список крестьян для купчей крепости. Поглядев на эту бумагу, Чичиков подивился: против каждого мертвого мужика обстоятельно прописаны были его ремесло, звание, лета и семейное состояние, а на полях находились особенные отметки насчет поведения и трезвости. Собакевич потребовал немедленного задатка за совершённую сделку, долго торговался о его размере и наконец согласился на 25 рублей.

Уехав от Собакевича, Чичиков остановил шедшего навстречу мужика и подробно расспросил у него, как добраться до поместья Плюшкина. Мужик аттестовал Плюшкина выражением, неупотребительным в светском разговоре, но очень удачным. По этому поводу Гоголь приводит лирическое отступление о метком русском слове.

Гоголь начинает эту главу печальным воспоминанием о безвозвратно ушедшей юности, но потом возвращается к своему герою. Поехав по пути, указанному мужиком Собакевича, Чичиков вскоре добрался до обширного села, чьи строения отличались необычайной ветхостью. Крестьянские избы имели плохие крыши. Их окна были без стёкол, иные затыкались просто тряпкой или зипуном. Во многих местах тянулись рядами огромные клады господского хлеба, залежалого и испорченного, который кое-где даже зарастал травой. Показавшийся вскоре большой помещичий дом выглядел дряхлым инвалидом с выщербленной штукатуркой. Из окон его только два были открыты, а прочие – заставлены ставнями или даже забиты досками.

Недалеко от входа Чичиков заметил странную фигуру, чей пол было трудно распознать. Она была похожа скорее не на мужика, а на бабу. По висевшим за поясом ключам в ней можно было предположить старую ключницу.

На вопрос, дома ли барин, ключница вначале ответила: нет. Но услышав, что у Чичикова есть до помещика дело, произнесла: «идите в комнаты!»

Чичикова поразил царивший внутри дома беспорядок. Предметы старой и поломанной мебели были нагромождены друг на друга. На стенах висели пожелтевшие от времени картины, а в углу возвышалась покрытая густой пылью куча бесполезного старья. В ней виднелись обломок деревянной лопаты, старая подошва сапога и другой такой же мусор.

Ключница вошла следом, и Чичиков по небритости её подбородка понял теперь, что это всё же не баба, а мужик. Спросив, где же хозяин, он вдруг услышал ответ: «Что, батюшка, слепы-то, что ли? А вить хозяин-то я!»

Чичиков подался назад от удивления. На него смотрел человек с бегающими, как испуганные мыши, глазами, одетый в драный, замасленный халат – больше похожий на нищего, чем на помещика. Это и был Плюшкин – обладатель тысячи с лишком крепостных душ.

В молодые годы он был деятельным, бережливым хозяином. В его имении имелось несколько фабрик, и каждый день шла неустанная работа, которую Плюшкин умело направлял, как трудолюбивый паук. Но вдовство и старость изменили его характер. После смерти матери дочь Плюшкина бежала из дому с офицером, а сын против воли отца поступил в полк. Одиночество делало Плюшкина с годами всё скупее и недоверчивее. Он разругался с детьми и стал подозревать, что крепостные не думают ни о чём другом, как только бы обворовать его. Плюшкин стал на всём экономить, по жадности поссорился со всем покупателями, закрыл фабрики. С каждым годом сильнее уходили из его вида главные части хозяйства, и мелкий старческий взгляд обращался к ненужному хламу, который он собирал, ходя по деревне, под насмешки своих крестьян. Крепостные оброки без употребления сваливались в кладовые и превращались там в гниль и прореху. И сам Плюшкин обратился наконец в какую-то прореху на человечестве.

Заподозрив поначалу в Чичикове желание под видом дружбы бесплатно пообедать у него, Плюшкин стал говорить, что в кухне у него развалилась труба, и там ничего не готовят. Чичиков как бы вскользь заметил собеседнику о слухах про тысячу его крепостных. Плюшкин на это стал жаловаться: мужики ленивы, не хотят работать, а в последние годы многие умерли от горячки.

Чичиков с заметным оживлением поинтересовался, как велико число умерших. Оказалось, что не менее ста двадцати человек. Чичиков тут же вызвался делом доказать своё уважение перед Плюшкиным: он предложил взять на себя платёж податей за этих крестьян, ибо для удовольствия хозяина не прочь понести и личный убыток.

Плюшкин вытаращил глаза и искал в уме возможный подвох. Однако Чичиков сказал, что готов немедленно оформить купчую крепость на этих умерших, чтобы платить потом за них подати как за своих.

Плюшкин был так обрадован, что даже приказал слуге поставить для Чичикова самовар и принести в виде угощения к чаю старый сухарь из кладовой, который надо лишь поскрести сверху ножом от плесени. Отперев ключами дверцу старого шкафа, хозяин вынул оттуда запylённый графин с остатками ликера, уверяя, что сам недавно вычистил его от всех налипших за многие годы козявок. Чичиков поспешил отказаться от такого хлебосольства и торопил Плюшкина с составлением списка мертвых душ.

Плюшкин не без труда отыскал на столе четвёрку бумаги и начал вписывать туда имена умерших мужиков. Он выводил их мелким почерком, чтобы все вместились на один лист и не пришлось расходовать другой. Плюшкин упомянул, что ещё десятков семь его крестьян числятся в бегах. Чичиков немедленно выразил желание приобрести и их, предложив за каждую мертвую душу по тридцать копеек. Плюшкин слезно умолял пристегнуть к этой цене ещё хотя б копейки две. Чичиков согласился.

Купив таким образом сразу две сотни мертвых душ, Чичиков на пути из деревни Плюшкина был необычайно весел, посвистывал и даже к удивлению кучера Селифана, приставил ко рту кулак, как будто бы играл на трубе. Уже поздно вечером они вернулись в губернский город N. Потребовав в гостинице самый легкий ужин, состоявший только в поросенке, Чичиков заснул сильно, крепко, как спят только те счастливы, которые не ведают ни геморроя, ни блох, ни слишком сильных умственных способностей.

Глава 7 «Мертвых душ» открывается известным рассуждением Гоголя о том, как счастлив писатель, который воспекает одни лишь прекрасные и величественные образы. Все чтут его великим творцом, при имени его сладостно трепещут пылкие и молодые сердца. Иная

судьба у того, кто дерзнул вызвать перед читательскими очами всю страшную, потрясающую тину мелочей, всю глубину скучных повседневных характеров – и выставил их выпукло и ярко на всенародные очи. Критика и общество упрекнул его, не признав, что равно чудны стекла, озирающие солнца и передающие движенья незамеченных насекомых. Сурово поприще того, кто озирает людскую жизнь сквозь видный миру смех и незримые ему слезы!

Далее Гоголь возвращается к сюжету поэмы. Проснувшись в гостинице наутро после визита к Плюшкину, Чичиков с удовольствием вспомнил: у него теперь без малого четыреста душ, хотя и мертвых. Заключённые с продавцами крестьян сделки сегодня предстояло утвердить законным порядком. Чичиков сам принялся писать нужные для подачи в гражданскую палату документы, разбирая списки, полученные от Коробочки, Собакевича и Плюшкина. Глядя на имена и фамилии умерших крепостных, он старался представить, какова была судьба каждого из них.

Близ полудня Чичиков оделся и пошёл в палату. Невдалеке от неё он встретил приехавшего оформить купчую Манилова, который заключил его в объятия и по своему обыкновению рассыпался в самых сладких комплиментах. Манилов подал Чичикову свой список крестьян, который жена его искусно обрамила красивой каёмкой.

Стоявшая на центральной площади города палата представляла собой трёхэтажный дом, весь белый, как мел, вероятно, для изображения чистоты душ, помещавшихся в нем должностей. Внутри усердно корпело над бумагами множество чиновников. Шум от перьев был большой и походил на то, как будто бы несколько телег с хворостом проезжали лес, заваленный на четверть аршина иссохшими листьями.

Дела по крепостям оформлял чиновник Иван Антонович, у которого вся середина лица выступала вперед и пошла в нос, – это было то лицо, которое называют в общежитье кувшинным рылом. Чичиков попросил его ускорить сделку и совершить её сегодня же, намекнув, что за это «он не останется в обиде». В подтверждение этих слов Чичиков положил перед Иваном Антоновичем вынутую из кармана ассигнацию. Тот совершенно её не заметил и накрыл тотчас книгою, дав, однако головой знак, что исполнит высказанное пожелание.

Чичиков и Манилов прошли к знакомому им председателю палаты, где уже сидел приехавший тоже для совершения крепости Собакевич. Все шумно поприветствовали друг друга и расцеловались. Председатель немедленно послал за поверенными и свидетелями. Не подозревая о том, что все купленные Чичиковым души были мертвыми, председатель поздравил его с крупной сделкой и поинтересовался, на каких землях он намерен поселить крепостных. Чичиков отвечал, что владеет имением в Херсонской губернии.

Когда оформление документов завершилось, председатель предложил «вспрыснуть» покупочку. Он сказал, что лучше всего будет сделать это у полицмейстера: тот – истинный чудотворец; ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или погреба, и закуска явится в большом изобилии. Взявшись за картузы и шапки, все присутствующие поехали к полицмейстеру, который, действительно, наведывался и в лавки и в гостиный двор, как в собственную кладовую. Впрочем, купцы его очень любили, за то, что он не был горд, крестил у них детей и кумился с ними, хоть драл с них подчас сильно.

Увидев гостей, полицмейстер вызвал квартального, шепнул ему на ухо пару слов, и вскоре на столе в другой комнате как-то сами собой появились белуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свежепросольная, селетки, сыры, копченые языки и балыки. Гости

приступили со всех сторон с вилками. Собакевич пристроился втихомолку к большому осетру. Покамест другие налегали на разные мелочи и разговаривали, он в четверть часа доехал его всего, так что когда полицеймейстер вспомнил об осетре, сказавши: «А каково вам, господа, покажется вот это произведение природы?», то увидел, что от произведения природы оставался один хвост; а Собакевич пришипился так, как будто и не он, и, отойдя подальше, тыкал вилкою в какую-то сушеную маленькую рыбку.

Выпитое вина развязало всем языки. Все шумно чокались, кое-кто пробовал петь и танцевать. Гости наперебой предлагали подыскать Чичикову в городе красавицу-жену и даже излагали вольные мысли, за которые в другое время сами бы высекли своих детей. Чичиков потом плохо помнил, как прокурорский кучер довёз его до гостиницы. Лакей Петрушка не без труда раздел барина, уложил спать, а вслед за этим сам удалился с Селифаном в близлежащее питейное заведение для простолюдинов. Оба они вернулись оттуда весьма нетвёрдым шагом и тоже заснули, поднявши храп неслыханной густоты, на который Чичиков из другой комнаты отвечал тонким носовым свистом.

Чичиков покупал у помещиков мертвые души за копейки, но в купчих крепостях была указана иная цена, близкая к той, что платилась за крестьян живых. На бумаге покупки Чичикова обошлись почти в сто тысяч рублей. Это обстоятельство быстро разгласилось в городе и стало предметом живых обсуждений. Шли толки, что Чичиков не более, не менее как миллионщик. Отцы города спорили друг с другом, удобно ли приобретать крепостных на вывод и, в частности, в Херсонскую губернию.

Но особо пристальное внимание теперь обратили на Чичикова дамы губернского общества, тем более что он проявлял истинно обворожительное обращение и до тонкостей постиг великую тайну нравиться. Пересуды о миллионном состоянии Чичикова овеяли его в женских глазах ещё большей привлекательностью и загадкой. Городские купцы теперь изумлялись тому, как быстро расхватывались в их лавках любые материи для дамских платьев. Однажды Чичикову даже принесли в гостиницу письмо от таинственной корреспондентки, которое начиналось словами: «Нет, я должна к тебе писать!» Подписи не было, но в *postscriptum*'е указывалось, что его собственное сердце должно отгадать авторшу послания на завтрашнем балу у губернатора.

Намеченный бал обещал Чичикову много приятного. Он собирался на него весьма тщательно, долго рассматривал себя в зеркале, делая разные выражения лица и под конец даже потрепав сам себя за подбородок и сказав: «Ах ты, мордашка эдакой!» Стоило Чичикову появиться на балу, как все городские чиновники бросились его обнимать. Не успел он выкарабкаться из рук председателя, как очутился уже в объятиях полицеймейстера. Полицеймейстер сдал его инспектору врачебной управы, тот – откупщику, а этот – архитектору... Дамы обступили Чичикова блистающей гирляндой. Одна дышала розами, от другой несло весной и фиалками, от третьей – резедой. Наряды их отзывались самым тонким вкусом. Талии были обтянуты и имели самые крепкие и приятные для глаз формы. Каждая обнажила свои владения до тех пор, пока чувствовала, что они способны погубить человека; остальное все было припрятано. Глядя на начавшиеся танцы, Чичиков не без удовольствия произнёс про себя: «Вона! пошла писать губерния!»

В весёлом расположении духа он непринужденно и ловко разменялся с некоторыми из дам приятными словами, подходил к той и другой дробным, мелким шагом, семена ножками. Дамы были очень довольны и стали находить у него не только умение быть любезным, но и величественное выражение в лице, что-то марсовское и военное. Среди некоторых из них возникли мелкие стычки за право занять ближайшее к Чичикову место.

Вскоре он оказался лицом к лицу с губернаторшей, которая, улыбаясь, выразила желание познакомиться его со своей дочерью. В этой дочери Чичиков вдруг узнал ту шестнадцатилетнюю девушку, которая была им встречена по пути от Ноздрёва к Собакевичу и так понравилась ему тогда. Очарование опять охватило его до глубины души. Чичиков неожиданно смешался. Его ловкость внезапно заменилась рассеянностью. Он беспрестанно подымался на цыпочки, чтобы увидеть отошедших уже от него губернаторшу с дочерью. Странная перемена с Чичиковым не укрылась от внимания прочих дам и сильно повредила ему в их глазах.

В этот-то момент неожиданное происшествие нанесло Чичикову страшный и роковой удар. Из соседней комнаты в залу вошёл уже явно хлебнувший рома Ноздрёв. Направившись прямо к Чичикову, он залился своим оглушительным смехом и закричал: «А, херсонский помещик!»

Чичиков остолбенел. Ноздрёв же, подойдя, кричал на весь зал: «Что? много наторговал мертвых? Послушай, Чичиков! говорю по дружбе, – я бы тебя повесил, ей-богу, повесил! Приезжаю сюда, а мне говорят, что ты накупил на три миллиона крестьян на вывод. Я, брат, теперь не отойду от тебя, пока не узнаю, зачем ты покупал мертвые души. Вот и губернатор здесь, и прокурор... Чичиков, хоть ты и скотина, но мне дороже отца родного. Дай я напечатлею один поцелуй на белоснежную щёку твою!»

Слова о покупке мертвых душ были произнесены Ноздрёвым во всю глотку и с громким смехом, который привлек внимание даже тех, кто находился в самых дальних углах комнаты. Все застыли с каким-то глупо-вопросительным выражением лиц. Чичиков чувствовал себя так, как будто прекрасно вычищенным сапогом вдруг вступил в грязную, вонючую лужу. Замечая вокруг странные перемигивания, он совсем растерялся и вскоре уехал с бала.

И в гостинице Чичиков долго не мог успокоиться, разговаривая сам с собой и кляня страшными словами Ноздрёва. В эту ночь он так и не заснул, а между тем через несколько улиц происходило событие, которому было суждено ещё увеличить неприятность его положения. Посреди ночи в город въехал старомодный экипаж, в котором сидела помещица Коробочка. Она прибыла из своей деревни узнать, почему ходят мертвые души и не промахнулась ли она, продав их втридешева Чичикову.

Через несколько дней после бала у губернатора, рано поутру одна из светских дам губернского города N спешно приехала с визитом к другой. Чтобы различать их, Гоголь называет в своём рассказе первую приятной дамой, а вторую – дамой, приятной во всех отношениях. Приятная дама так спешила привезти своей знакомой оглушительную новость, что по пути дважды подгоняла кучера, а всякое строение, мимо которого приходилось проезжать, казалось ей длиннее обычного.

Усевшись на диван в доме у подруги и уделив совсем немного времени обычным женским пересудам о переменах в моде, приятная дама начала излагать своё главное известие. Речь шла о Чичикове, которого городские представительницы прекрасного пола уже именовали «нашим прелестником».

Приятная дама поведала, что к жене местного протопопа, отца Кирилы, приезжала из соседней деревни помещица Коробочка и рассказала «совершенный роман». В одну глухую полночь к её воротам подъехал Чичиков, стал ужасным образом стучать в них и грозился выломать, если ему не откроют. Дама, приятная во всех отношениях, подивилась, что Чичиков в своих любовных увлечениях польстился на старуху Коробочку. Но приятная

дама объяснила: дело тут совсем не в этом. Вооружённый с ног до головы Чичиков, запугивая Коробочку, домогался не её женских прелестей, а требовал, чтобы она продала ему мертвых крестьян. Шум был такой, что среди ночи сбежалась вся деревня. Беспомощной вдове Коробочка пришлось подписать фальшивую купчую, за которую Чичиков бросил всего 15 рублей ассигнациями – и уехал.

Обе дамы стали гадать, что же могли означать загадочные мертвые души, о которых на недавнем балу поминал и Ноздрёв. Приятной даме не приходило в голову никакой гипотезы (поэтому она и приехала к подруге). Дама же, приятная во всех отношениях, после долгого раздумья пришла к выводу: мертвые души выдуманы только для прикрытия, а на самом деле Чичиков хочет увезти губернаторскую дочку!

Трудно сказать, какая здесь была связь и как мертвые души могли прикрыть план увоза дочери губернатора. Однако эта версия как-то сама собой возобладала среди всех дам города N. Они приняли её как нечто само собой разумеющееся, ибо необычайное внимание Чичикова на балу к дочери губернатора не ускользнуло ни от одной из них. Так как о мертвых душах знал и Ноздрёв, то все дамы легко заключили: этот известный кутила был в сговоре с Чичиковым и намеревался помочь ему в похищении.

Распространившиеся по всему городу толки вызвали истинное брожение умов. Дамы умели напустить всем такого тумана в глаза, что мужчины (особенно чиновники) несколько времени оставались ошеломленными. Женская версия справедливо показалась большинству из них вздором, но и ничего своего, лучшего они о мертвых душах измыслить не могли. Дамы, тем временем, продолжали развивать свои догадки. Вскоре они уже говорили, что Чичиков давно был влюблен в дочь губернатора, и они встречались в саду при лунном свете, что губернатор даже бы отдал дочку за этого богатого, как жид, человека, если бы не брошенная им жена (откуда решили, что Чичиков женат, никому не было ведомо). Эта жена, страдая от безнадежной любви, написала трогательное письмо губернатору. Он отказал Чичикову, и тот решил на похищение. В других домах рассказывалось: у Чичикова нет никакой жены, и он вначале соблазнил супругу губернатора, а потом сделал ей декларацию насчёт дочери. Мать, испугавшись, чтобы не совершилось преступление, противное религии, отказала наотрез, и потому Чичиков стал думать об увозе.

В мужской партии тоже замечалось немалое беспокойство. Инспектор врачебной управы предполагал, что под словом «мертвые души» могли разумеются больные, умершие в значительном количестве от недавней горячки, и что Чичиков тайно послан произвести следствие о ней. Председатель канцелярии, который, как описано в главе 7-й, лично помогал оформить купчую на мертвые души, тоже опасался тяжкого служебного взыскания. Другие чиновники боялись следствия по недавно замятому делу об избиении насмерть сольвычегодскими купцами устьсыольских – ведь эти убитые в пьяном кулачном бою тоже были мертвыми душами!

Как нарочно, в это самое время к губернатору пришли сверху разом две бумаги. Одна из них сообщала о возможном пребывании в губернии известного изготовителя фальшивых ассигнаций, а другая – о беглом разбойнике. Отцы города задумались, не подделывает ли Чичиков деньги? О нём стали опрашивать Коробочку, Манилова и Собакевича. Но первая сообщила только, что Чичиков сулил закупить у неё для казны сало и перья. Манилов клятвенно ручался за высокие качества Павла Ивановича и даже зажмурился при этих клятвах глаза. А Собакевич так и не признал проданных им Чичикову душ мертвыми. Он лишь не ручался, что они не перемрут при переселении на херсонские земли.

В сильном недоумении все главные городские чиновники решили собраться на совещание у полицмейстера и рассудить там: такой ли Чичиков человек, которого нужно задержать и схватить, как неблагонамеренного, или же он такой человек, который может сам схватить и задержать их всех, как неблагонамеренных.

Перепуганные и даже похудевшие городские чиновники собрались у полицмейстера, чтобы обсудить, кто такой Чичиков и какие меры принять на его счёт. Совет их вышел довольно бестолковым (Гоголь замечает по этому поводу, что русские вообще не созданы для представительных заседаний). Один из присутствующих склонялся признать Чичикова поддельвателем ассигнаций, другой – посланным для ревизии чиновником генерал-губернаторской канцелярии, третий – переодетым разбойником. Но все колебались, и ни один не настаивал на своём мнении уверенно.

Присутствие духа выказал только почтмейстер, чья должность предоставляла менее, чем у прочих, возможностей для взяток и, следовательно, поводов для опасений. Его внезапно осенила мысль, что Чичиков – не кто другой, как капитан Копейкин. Собравшиеся не знали, кто таков Копейкин. Почтмейстер рассказал проникновенную повесть об этом изувеченном на войне герое, который пытался просить у высокого столичного вельможи пенсии и, не добившись её, образовал шайку разбойников. Но полицмейстер указал, что у Копейкина не было одной руки и одной ноги, а у Чичикова в наличии обе. Почтмейстер хлопнул рукой по своему лбу и признал ошибку, публично назвав себя телятиной.

После этого высказали предположение: Чичиков – переодетый Наполеон, выпущенный англичанами ко вреду России с острова Святой Елены. Было даже признано, что Чичиков, если поворотится и станет боком, очень сдаёт на портрет Наполеона, однако, поразмыслив, отцы города всё же решили, что здесь изображение их стало чересчур рысисто и зашло не туда, куда нужно.

Все припомнили наконец: первым о покупке Чичиковым загадочных мертвых душ заговорил Ноздрёв. Решили послать за ним. Ноздрёв был занят в это время своим обычным делом: ставил шулерский крап на колоде карт, которую собирался употребить в ближайшей игре. Присланного за ним квартального он сначала отправил к чёрту, но когда прочитал в записке городничего, что может случиться пожива, оделся и пошёл к полицмейстеру. Ноздёва стали наперебой спрашивать, не шпион ли Чичиков, не фальшивомонетчик ли и не думал ли он на самом деле увезти губернаторскую дочку. Лгун Ноздрёв на всё отвечал утвердительно и с самыми убедительными подробностями. Он уверял, что Чичикова знает с детства и тот давно подделывает ассигнации. Раз даже полиция окружила его дом, где было на два миллиона фальшивых бумажек, но Чичиков ночью сумел заменить их все на настоящие, несмотря на стоявший вокруг караул. В похищении дочери Ноздрёв, по его словам, сам был намерен содействовать Чичикову и уже договорился о венчании в церкви деревни Трухмачёвки с отцом Сидором. На всех станциях были заготовлены переменные лошади. Ноздрёв уже начал называть имена ямщиков, когда чиновники убедились наконец, что он несёт явный вздор, и отошли от него прочь.

Все эти толки и мнения о Чичикове трагически подействовали на городского прокурора. Сидя дома он внезапно плюхнулся со стула наземь, да и помер.

Между тем сам Чичиков несколько дней после бала у губернатора сидел в гостинице безвылазно вследствие небольшого воспаления в горле и не знал о ходивших слухах совершенно ничего. Выздоровев, он отправился к знакомым с визитами. Однако швейцар губернатора сообщил, что его не велено принимать. У других чиновников он тоже либо

получил от ворот поворот, либо был принят, но хозяева вели с ним странный и бестолковый разговор, походя на помешанных.

В сильнейшем недоумении Чичиков вернулся в гостиничный номер и вдруг увидел входящего Ноздрёва. Тот вначале слегка пожурил его за «преподлое поведение» при игре в шашки, а потом без тени смущения поведал, что в городе все считают его фальшивомонетчиком, шпионом и судачат о его плане похищения губернаторской дочери. Ноздрёв тут же изъявил полную готовность участвовать в этом похищении и дать лошадей, если Чичиков даст ему займы нужные позарез три тысячи.

Ошеломлённый Чичиков даже протирал себе глаза, чтобы убедиться: это не сон. Сбыв поскорее с рук Ноздрёва, он немедленно призвал кучера Селифана и велел ему быть готовым на заре, с тем чтобы завтра же в шесть часов утра выехать из города.

На следующее утро Чичикову пришлось задержаться, потому что нерадивый кучер Селифан не предупредил вовремя о неисправности брички. Часов пять-шесть пришлось ждать, пока её починят спешно найденные кузнецы. Когда бричка с сильным опозданием выезжала из города, ей пришлось пережидать похоронную процессию. На кладбище несли прокурора, причиной смерти которого невольно стал сам Чичиков. Теперь он спустил занавески на стеклах экипажа и затаился, пока процессия не прошла мимо.

Миновав городской шлагбаум, бричка покатила по большой дороге. Во время этого пути Гоголь знакомит читателя с биографией Чичикова, разъясняя и цель покупки им умерших крепостных.

Отец и мать Чичикова были бедными дворянами, которые владели одной-единственной крепостной семьёй. Большой родитель его ничем не занимался, а только, шаркая, ходил по комнате и драл сына за ухо. Совсем маленьким Чичиков был отвезён из деревни к старушке-родственнице в город и отдан там в училище. Отец, расставаясь с сыном навсегда, советовал ему угождать учителям и начальникам и копить копейку, ибо «эта вещь надежнее всего на свете, все сделаешь и все прошибешь на свете копейкой».

Отцовское наставление запало мальчику в душу. Не отличаясь выдающимися талантами, юный Чичиков стал самым примерным по поведению учеником в классе. Благодаря заискиванию перед учителями он получил отличный аттестат. Уже в школе он проявил весьма изобретательное стяжательство: накупив на рынке съестного, садился в классе возле тех, кто были побогаче, и как только замечал, что товарищу хочется есть, высовывал из-под скамьи, будто невзначай, угол пряника или булки и брал за него деньги, соображая с аппетитом.

Выйдя из училища, Чичиков поступил на службу в казённую палату. Жалование ему поначалу платили самое низкое. Но Чичиков сумел подольститься к своему пожилому начальнику, имевшему некрасивую, рябую дочь. Чичиков сделал вид, что готов жениться на ней. Он даже переехал к начальнику в дом и стал называть его папенькой. Начальник выхлопотал ему служебное повышение, но сразу после этого Чичиков умело замаял дело о свадьбе, как будто речи о ней и не велось.

Бойкий и хитрый Чичиков стал быстро повышаться в чинах. Везде он немилосердно брал взятки, но делал это скрытно и ловко: никогда не принимал у просителя денег сам, а лишь через подчинённых писарей. Вступив в комиссию для возведения одной казённой постройки, Чичиков повёл дело так, что строение это не пошло дальше фундамента, а он и его сотоварищи обзавелись красивыми собственными домами.

Власти, однако, вострепнулись и прислали к ним новым начальником строгого военного человека. Чичикову поневоле пришлось оставить своё хлебное место. Некоторое время он провёл на низких должностях, но вскоре пристроился в таможню. Здесь он проявил неслыханную расторопность и воистину собачье чутьё. Ни один контрабандист на западной границе не мог обмануть его. Таланты Чичикова были и тут замечены. Долго проявлял он полную неподкупность. Но когда довольное успехами начальство сделало его начальником команды для борьбы против одного большого контрабандного общества, он вошёл с тем в сговор и стал содействовать перевозу нелегального товара, заработав на этом сотни тысяч.

Однако и это предприятие Чичикова расстроилось из-за неосторожности одного помощника. С трудом избегнув уголовного суда, Чичиков потерял почти всё, что имел, лишился места и лишь с трудом устроился на должность поверенного. Раз один его клиент, разорившийся помещик, задумал заложить в казённый опекунский совет своё расстроенное имение. Под залог крестьян казна давала деньги – рублей по двести на душу. Чичиков вдруг узнал, что клиент его получит эти суммы не только за живых крепостных, но и за умерших, ибо до проводимой раз в несколько лет финансовой переписи (ревизии) все крестьяне формально числились живыми. В мошенническом уме Чичикова мелькнула мысль: поездить по России, скупая у помещиков по дешёвке, а где по дружбе забирая и даром, мертвые крестьянские души. Потом Чичиков рассчитывал заложить их оптом, как живых, в опекунский совет и получить богатый куш.

Приключения Чичикова должны были продолжиться во втором и третьем томах «Мертвых душ». Первый же том Гоголь завершает, оставив Чичикова на дороге в бричке. Картина скачущих лошадей вызывает напоследок у писателя восклицание: какой же русский не любит быстрой езды?! – и знаменитое сравнение самой России с бойкой необгонимой тройкой, которая несётся, неизвестно куда, обгоняя другие народы и государства.